

ву угла ставилась жизнь внутренняя, субъективная, с бурным проявлением чувств. Иными словами, сильные чувства и неординарные личности.

Но позвольте, господа! Разве неординарные личности не существуют в реальности? А с другой стороны, разве загадочный Онегин и декадентствующий Печорин, которых принято причислять не к романтическим, а к реалистическим героям, – разве они не самые что ни на есть неординарные записные оригиналы? А что уж говорить про Ленского – типичного романтического героя! Чего никак не скажешь о Сидоре Сидорове – герое «Рассказов русского солдата» с реалистичными до мозга костей описаниями тягот крестьянской жизни и солдатской лямки.

И посему стереотип о противопоставлении романтизма и реализма можно смело сдать в утиль.

Бездна поэзии

Что же представляют собой первые изданные 185 лет назад (в 1833 и 1834 годах) «Рассказы...»? Начнём с того, что из всех произведений Николая Полевого именно они имеют непосредственную привязку к Курску.

Географическая фиксация производится уже во втором предложении: «Кажется, это было в 1817 или 1818 году. Мне надобно было ехать в Острогожск и Воронеж; я жил тогда в Курске». После чего находим еще 16 упоминаний слова «Курск» и производных от него, в том числе с развернутыми описаниями:

«Спешить мне было некуда, и я решил ехать на долгих. Притом мне надобно было нанять надежного, доброго ямщика, потому что

со мной было много денег, а ехал я один. Отправляюсь в Ямскую слободу. Положение этой слободы и вообще Курска прелестно. Город стоит на горе, которую обтекает река Тускорь, и с некоторых мест взор обнимает пространство, усеянное деревеньками, селами, перелесками, нивами верст на двадцать. Если вы будете в Курске, советую вам пойти на берег Тускори к бывшему Троицкому монастырю и полюбоваться оттуда видом на Стрелецкую слободу, окрестности ее и скат под гору к Тускори. Не менее хорош вид и на Ямскую слободу, которая раздвинулась на луговой стороне реки на Коренской дороге».

Если ведущемуся от лица героя рассказу присущи стройность, линейная последовательность, то во вступлении автор, можно сказать, растекается мыслью по древу. Однако расплывчатость эта настолько замечательна, что может служить образцом в вопросе «Что же такое и какой должна быть художественная проза?». Или же: «Что такое поэзия в прозе?».

Перед читателем открывается целая галерея образов – индивидуальных, коллективных, природных. И первый из них – колоссальный в раблезианской мощи и в то же время вполне реалистичный ямщик Василий:

«Мне попался здоровый, плечистый рыжий ямщик, взялся ездить со мною, сколько мне угодно, и на дру-

гой день в огромной повозке, прочной, крепкой, набитой свежим сеном, запряженной тройкою лошадей, с парой колокольчиков на дуге, покатались мы с Васильем – так звали моего ямщика. Помню это красное лицо, эти плечи, эту голову, где между глаз могла поместиться калена стрела. Василий был человек лет пятидесяти, веселый, словоохотливый, большой мастер петь заунывные песни; он выпивал едва ли не полштофа зелена вина для аппетита и никогда не бывал пьян; ел он ужасно, не спрашивал, что ему давали есть, смотрел только на количество, а не на качество, мог пить пиво, хлебать молоко, есть рыбу и кислую капусту, пить чай в одно и то же время. Обед оканчивался у него ковшом воды не менее знаменитого Торова рога из скандинавской «Эдды». После того

он ложился спать под повозку, спал, храпел, как Илья Муромец. Но удивительно: этот человек не знал усталости в работе, мог не спать сутки, сидя на передке, верно просыпался, когда надобно было поить лошадей, задавать им овса, и за них готов был он сам отказываться от сна, пищи и питья; и не жаловаться, и петь песню под голос своего тощего желудка».

Столь же замечательно подан и старый служивый, лихой фельдфебель Зарубаев – настоящий архетип, воплощающий воистину солдатскую первоидею. Прекрасен в своей чистоте и сам рассказчик – русский солдат, поведавший трогательную, но вовсе не сентиментальную историю своей жизни. О том, как жилось ему – крестьянину-однодворцу – в курской деревне; как в результате эпидемии оспы закончилось его недолгое семейное счастье; и как по собственному желанию – дабы выручить многодетного брата – стал он рекрутом, на долгие 25 лет впрягшись в солдатскую лямку.

По сути, именно Николай Полевой в «Рассказах русского солдата» первым в отечественной литературе изобразил простых людей такими, какими они были в реальности, без приукрашивания и со всей глубиной внутреннего мира. Во многом это небольшое по объему, но очень емкое по содержанию произведение является предтечей незавершенной поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Еще на ум приходят «Вечера на хуторе близ Диканьки». Но если малороссийское село подано у Гоголя возвышенно-романтически, подчас сказочно-фантастически, то в описании русской деревни в «Рассказах русского солдата» Полевой остается совершенным реалистом.

Но при этом какая бездна поэзии! Чистой, как слеза, как родниковая вода.

«Не диво, коли солдаты крепко стоят друг за друга: их связывает одинаковая участь, их дружит общая судьбина, общая дума, что нет у них ни отцов, ни матерей, ни роду, ни племени, ни впереди надежды, ни назади памяти – приютиться негде, завидовать некому, думать не о чем, лег – свернулся, встал – встряхнулся, весь тут! Солдат, божий человек, один, как солнышко на небе у царя небесного...»

Олег КАЧМАРСКИЙ